

В. Ю. АФИАНИ, С. С. ИЛИЗАРОВ

**«...МЫ РАЗГОНИМ К ЧЁРТОВОЙ МАТЕРИ АКАДЕМИЮ НАУК», —
заявил 11 июля 1964 г. первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев**

Предисловие

Недавно, 14 февраля 1995 г., Комиссия по рассекречиванию документов, созданных КПСС, сняла гриф с одного примечательного текста, и событие, о котором многие слышали, получило наконец подтверждение подлинным историческим источником. Да, это оказалось правдой, Н. С. Хрущев действительно собирался или, по крайней мере, реально угрожал разогнать Академию наук СССР «к чёртовой матери!». Впрочем, никого секрета не было относительно его неоднократных поползновений к радикальной реструктуризации АН СССР, по его мнению, — чрезмерно громоздкой, оторванной от реальных нужд народного хозяйства, а самое главное, становившейся все менее управляемой и все более строптивой.

Так, в мае 1959 г. на высшем партийном уровне Н. С. Хрущев выдвинул предложение о реорганизации АН СССР путем ее раздробления на несколько академий. Итог известен: реформа Отделения технических наук и передача части учреждений в систему промышленности и народного хозяйства.

Строптивость Академии и непослушание по ряду вопросов привели в конце апреля 1961 г. к очередному конфликту и очередной угрозе Хрущева — распустить Академию. Президент Академии наук А. Н. Несмеянов вынужден был ответить: «Ну что же, Петр Великий открыл Академию, а Вы ее закроете» [1, с. 208]. Итог: 4 мая 1961 г. А. Н. Несмеянов направил в Президиум АН СССР заявление об отставке, а 19 мая Общее собрание АН СССР освободило его от обязанностей президента [2].

Мысль реформатора работала дальше. В апреле 1963 г. «Проект записки Н. С. Хрущева в Президиум ЦК по вопросам дальнейшего развития науки» был направлен для замечаний и предложений академикам М. В. Келдышу, Б. Е. Патону, М. А. Лаврентьеву и председателю Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ К. Н. Рудневу. Ответы были получены (среди них наибольшим радикализмом отличался президент АН СССР М. В. Келдыш), проанализированы и учтены в новом тексте «Записки...», составленной 10 июня 1963 г. Итог: в конце июля Хрущев принял решение вопрос «отложить»*.

* «Записка...» Н. С. Хрущева и весь комплекс документов подготовлен для публикации в сборнике «Архив науки и техники».

Трудно сказать до какой поры. Дела в государстве шли неважно, и вопрос о науке и Академии мог быть отодвинут в дальний угол. Но тут новая «выходка» академиков.

26 июня 1964 г. на Общем собрании, благодаря принципиальным выступлениям В. А. Энгельгардта, А. Д. Сахарова и И. Е. Тамма, был не только не избран в академики член-корреспондент Н. И. Нуждин, но и с высшей академической трибуны устами Сахарова было публично предъявлено обвинение любимцу партии и ее лидера, академику Т. Д. Лысенко. Ситуация для всех сторон оказалась критической. В адрес Н. С. Хрущева поступали всевозможные сигналы, ему многие писали, выдвигая различные, диаметрально противоположные предложения, и требовали, требовали... Пауза долгой быть не могла.

Утром 11 июля состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором планировалось рассмотрение нескольких чисто организационных вопросов (о председателе Верховного Совета СССР, о пенсиях колхозникам, о повышении зарплаты ряду категорий работников, о пятидневной рабочей неделе и т. п.). Выступления Н. С. Хрущева на Пленуме не предполагались. Однако ко всеобщему удивлению, он взял слово и в характерной для себя манере, постепенно возбуждаясь, сделал переход (для многих, наверное, немотивированный) от вопросов сельского хозяйства к проблемам науки и возможности принятия радикальных решений в отношении Академии наук. Говоря о проблемах семеноводства, он сказал: «К нашему позору, мы в прошлом году покупали лук в Египте, мы — Советский Союз. Надо было взять этот лук погорчее, да натереть определенные места тем, которые его покупали, я имею в виду органы обоняния, потому что если бы перец, то тогда другие места, — чтобы эту глупость не делали. Мы в необъятной стране с различным климатом не можем себя обеспечить луком. Это результат наших возможностей? Это результат нашей бездеятельности... Товарищи, так мы можем это сделать, мы можем завалить ранним картофелем Запад, если будет спрос. У нас Армения, Азербайджан, Средняя Азия, Краснодар, Украина. Знали мы это или не знали?». И далее перешел к Академии наук.

Текст

Знали. Вернитесь вы к трудам Лысенко¹. Его критиковали некоторые прохвосты. Я считаю, что Сахаров — академик молодой, коммунист, но он очень неумно выступил. Это уже Академия наук начинает вмешиваться в политику. Там стоял вопрос об избрании членом-корреспондентом Ремесло². Это прекрасный селекционер украинский. Была работа проведена против Лысенко, он [Сахаров. — Ред.] выступил и сказал: Лысенко убил столько-то или не столько-то людей и теперь не принимать Ремесло, потому что они на одной позиции в вопросах теории с Лысенко³.

Товарищи, для политического руководства, я считаю, у нас достаточно нашей партии и Центрального Комитета, а если Академия наук будет вмешиваться, мы разгоним к чёртовой матери Академию наук, потому что Академия наук, если так говорить, нам не нужна, потому что наука должна быть в отраслях производства, там она с большей пользой идет, это нужно было для буржуазного русского государства, потому что этого не было. Сейчас, в социалистических условиях, это изжило себя, это придаток и проявляет он себя довольно плохо. Тов. Сахаров — коммунист, очень одаренный человек, и мы высоко ценим его, но не ему определять политику. Он создал водородную бомбу, его предложение было. Но когда мы решали вопрос о создании бомб крупных (он тоже тогда работал), он голосовал против: товарищ Хрущев, говорит, я против⁴. Я говорю: вот какой христос. А это коммунист. Он молодой, но, конечно, молодой по нашим взглядам. Ему лет 45?

ГОЛОС. Он беспартийный.

Одно из темпераментных выступлений Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева

Н. С. ХРУЩЕВ. Ну, беспартийный, — тоже надо вести с ним работу и проработать его. Я уж думал об этом, но не хочется поднимать эти навозные дела.

Вот эти вопросы. Одним словом, сельское хозяйство требует большего внимания, более осторожной, с привлечением науки и мобилизации сил, правильной расстановки сил с тем, чтобы правильно использовать наши огромные возможности, которые у нас имеются.

Вот я промучил вас с час, кажется. Вопросов нет? Разрешите пленум закрыть [3, л. 20—22].

Н. С. Хрущев не догадывался, что это его последнее выступление как лидера партии коммунистов Советского Союза.

Не имеет смысла гадать, что было бы дальше с Академией наук, продлился еще правление Н. С. Хрущева. И был ли бы нынче 275-летний юбилей? Тогда же многим участникам пленума, пленума довольно странного, если верить словам М. А. Суслова о том, что речь Хрущева явилась полной неожиданностью даже для

членов Президиума ЦК КПСС, стало ясно — «кризис назрел». Слабеющая воля руководителя, его раздражительность, усталость и масса грубых политических ошибок превысили критический порог. Финальная часть его выступления на июльском Пленуме вскоре сыграет роковую роль в судьбе оратора. Н. С. Хрущев еще раз подставился. Ему все припомнят. Конечно, тогдашнюю политическую элиту тревожила не только и не столько судьба АН СССР — Н. С. Хрущева сместят совсем не за угрозы разгона Академии. Как это происходило, об этом чуть ниже, а сейчас необходимые комментарии к тексту.

Комментарии

- 1 Об отношении Н. С. Хрущева к Т. Д. Лысенко написано много, и многие пытались объяснить феномен выживаемости Лысенко. Роль народного академика, как видно, существенна не только для судеб отечественной науки и ученых, состояния научного знания, но и чрезмерная приязнь к нему оказались в известной мере фатальной для самого Хрущева. И трудно сказать, чего здесь было больше — недоверия и подозрения по отношению к большой и непонятной науке, к капризным, подчас пацифистски настроенным или, того хуже, недостаточно патриотичным ученым, либо полуслепая вера Хрущева в чудо, умело подогреваемая таким своим, понятным, «великим ученым» Лысенко.
- 2 Н. С. Хрущев ошибся. Вопрос о селекционере академике ВАСХНИЛ В. Н. Ремесло на Общем собрании не рассматривался, поскольку он не набрал необходимых баллов еще на первом этапе выборов — на собрании в Отделении. В 1974 г. В. Н. Ремесло стал действительным членом АН СССР.
- 3 А. Д. Сахаров сказал на Общем собрании АН СССР дословно следующее: «Я очень кратко выступлю. Все мы признаем, все мы знаем, что научная репутация академика советской Академии наук должна быть безупречной. И вот, выступая по кандидатуре Нуждина, мы должны внимательно подойти к этому вопросу. В том документе, который нам выдан, есть такие слова: "Много внимания уделяет Н. И. Нуждин также вопросам борьбы с антимичуринскими извращениями в биологической науке, постоянно выступая с критикой различных идеалистических теорий в области учения наследственности и изменчивости. Его общепублицистические труды, связанные с дальнейшим развитием материалистического учения И. В. Мичурина и других корифеев биологической науки, широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом". Дело научной совести каждого из тех академиков, которые будут голосовать, как понимать — какое реальное содержание скрывается за этой борьбой с антимичуринскими извращениями, философскими трудами других корифеев биологической науки и т. д. Я не буду читать эту выдержку второй раз. Что касается меня, то я призываю всех присутствующих академиков проголосовать так, чтобы единственными бюллетенями, которые будут поданы «за», были бюллетени тех лиц, которые вместе с Нуждиным, вместе с Лысенко несут ответственность за те позорные тяжелые страницы в развитии советской науки, которые в настоящее время, к счастью, кончаются. (Аплодисменты)». Текст выступления А. Д. Сахарова неоднократно публиковался сначала в пространных выписках Ж. А. Медведевым, а затем дважды по идентичной неуправленной, по словам издателей, стенограмме (но взятой из разных фондов) К. О. Россияновым [4, с. 520] и Б. Л. Альшулером [5, с. 861].

А. Д. Сахаров в своих воспоминаниях довольно подробно рассказал об этой роковой для него истории. Вмешательство в дело Нуждина, по словам А. Д. Сахарова, «оказалось, наряду с борьбой за прекращение наземных испытаний (хотя,

конечно, проблема испытаний была существенней), одним из факторов, определивших мою общественную деятельность и судьбу. Почему я пошел на такой несвойственный мне шаг, как публичное выступление на собрании против кандидатуры человека, которого я даже не знал лично? Вероятно,.. потому, что я особенно близко принимал к сердцу проблемы свободы науки, научной честности, — наука казалась (и кажется сейчас) важнейшей частью цивилизации, и поэтому посягательство на нее особенно недопустимым...» [6, с. 85].

Весьма интересно, что в памяти А. Д. Сахарова сохранился «образ» его выступления существенно более резкий, чем это зафиксировано в исправленной (?) стенограмме. Он вспоминал: «Я сказал примерно следующее: "Устав Академии предъявляет очень высокие требования к тем, кто удостоивается звания академика — как в отношении заслуг перед наукой, так и в отношении общественной позиции. Член-корреспондент Н. И. Нурдин, выдвинутый Отделением биологии для избрания в академии, этим требованиям не удовлетворяет. Вместе с академиком Лысенко он ответственен за позорное отставание советской биологии, в особенности в области современной научной генетики, за распространение и поддержку лженаучных взглядов и авантюризм, за гонение подлинной науки и подлинных ученых; за преследования, шельмование, лишение возможности работать, увольнения — вплоть до арестов и гибели многих ученых. Я призываю вас голосовать против кандидатуры Н. И. Нурдина"» [6, с. 84].

Спустя много времени, 8 июля 1988 г., А. Д. Сахаров, знакомясь с архивным текстом стенограммы, уточнил: «В стенограмме моего выступления отсутствуют фразы, расшифровывающие, в чем состоят «позорные, тяжелые страницы в развитии советской науки». А именно — в развале советской генетики и физическом уничтожении ученых» [5, с. 866].

- 4 Речь идет о попытках А. Д. Сахарова вмешаться в проведение ядерных испытаний, о которых он рассказал в своих мемуарах. В первый раз это произошло в 1961 г., когда после продолжительной паузы в испытаниях ядерного оружия «Хрущев принял решение, как всегда, неожиданное для тех, к кому оно имело самое непосредственное отношение, — нарушить мораторий и провести испытания» [6, с. 69]. 10 июля в Кремле состоялось совещание, на котором Н. С. Хрущев объявил о решении осенью 1961 г. возобновить ядерные испытания. А. Д. Сахаров среди прочих выступил с кратким докладом о работах своего отдела, а затем, сев на свое место, написал известную записку Хрущеву о нецелесообразности возобновления испытательных взрывов. После совещания на обеде «Хрущев, не садясь, выждал, когда все затихли, и взял в руки бокал с вином, как бы собираясь произнести тост. Но он тут же поставил бокал и стал говорить о моей записке — сначала спокойно, но потом все более и более возбуждаясь; лицо его покраснело, и он временами переходил почти на крик. Речь его продолжалась не менее получаса. Я постараюсь воспроизвести ее здесь по памяти, но, конечно, спустя 20 лет возможны большие неточности. "Я получил записку от академика Сахарова, вот она. (Показывает.) Сахаров пишет, что испытания нам не нужны. Но вот у меня справка — сколько испытаний произвели мы и сколько американцы. Неужели Сахаров может нам доказать, что, имея меньше испытаний, мы получили больше ценных сведений, чем американцы? Что они — глупее нас? Не знаю и не могу знать всякие технические тонкости. Но число испытаний — это важнее всего, без испытаний никакая техника невозможна. Разве не так?" (Полностью мою записку Хрущев не зачитал, так что слушателям моя аргументация не была понятна.) "Но Сахаров идет дальше. От техники он переходит к политике. Тут он лезет не в свое дело. Можно быть хорошим ученым и ничего не понимать в политических делах... Так что предоставьте нам, волей-

неволей специалистам в этом деле, делать политику, а вы делайте и испытывайте свои бомбы, тут мы вам мешать не будем и даже поможем. Мы должны вести политику с позиции силы. Мы не говорим этого вслух — но это так!... Сахаров, не пытайтесь диктовать нам, политикам, что нам делать, как себя держать. Я был бы последний слюняй, а не Председатель Совета Министров, если бы слушался таких, как Сахаров!"» [6, с. 70-71].

Эпилог..?

Итак, июльский 1964 года Пленум ЦК КПСС свою работу завершил. Участники Пленума медленно расходились, чтобы через три месяца по призыву группы заговорщиков вновь здесь же встретиться и радикально разрешить проблему.

14 октября. 1964 г. Москва. Исторический пленум ЦК КПСС.

Докладчик М. А. Суслов (это его, завершая диктовку своих мемуаров, пенсионер союзного значения, находившийся в полузаточении в подмосковном Петрово-Дальнем, назовет «наш главный околоточный») оглашает под одобрительные реплики из зала список прегрешений.

Хрущеву инкриминировали монопольное право на истину, пренебрежение и оскорбительное, унижающее человеческое достоинство, отношение к своим соратникам и коллегам, прогрессирующая «крайняя грубость и нелояльность, капризность и обидчивость», а также то, что «т. Хрущев систематически занимался интриганством, стремился всячески посорить членов Президиума друг с другом. (Голоса: "Позор!") ... в конце концов все члены Президиума убедились в том, что т. Хрущев ведет недостойную игру».

И вот наконец главное — июльский Пленум и реплика Хрущева о разгоне Академии наук: «Так, например, на Пленуме Центрального Комитета, состоявшемся в июле 1964 года, где обсуждался лишь организационный вопрос, не предполагалось, что будет какая-либо специальная речь т. Хрущева. Однако к неожиданности членов Президиума и членов Пленума он разразился длинной бессвязной речью, в которой содержались грубые политические ошибки. Достаточно вам напомнить его угрозу разогнать Академию наук. (Шум в зале, голоса: "Позор!"). Это заявление находилось в резком противоречии со всей политикой нашей партии в области науки. В течение года т. Хрущев с упрямством, достойным сожаления, стремился

Партийный билет Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева. Публикуется впервые

ликвидировать Тимирязевскую академию на том лишь основании, что ее ученые в своем большинстве не разделяли взглядов т. Хрущева по ряду вопросов системы земледелия. (*Голоса: "Позор!"*). Да, это действительно является позором и результатом невежества. Каких только проектов не предлагалось им, направленных к достижению этой неблагоприятной цели. Лишь единодушным сопротивлением членов Президиума ЦК и многочисленных комиссий, которые созывались в связи с этим проектом, удалось спасти Тимирязевскую академию от разгрома» [7, с. 8].

Далее известно: Пленум заслушал проект и принял в единодушном порыве под «*бурные, продолжительные аплодисменты*» историческое постановление «О т. Хрущеве Н. С.» [7, с. 15].

Все. Академический гонитель (?) и последний великий защитник «народного академика» сам оказался изгнан со всех постов. Начиналась новая эпоха.

На период десятилетнего правления Хрущева пришелся пик развития советской науки. И именно поэтому история и анализ взаимоотношений Хрущева и фундаментальной науки, прежде всего в лице АН СССР, заслуживает самого пристального внимания. Сам Хрущев, конечно, далеко не интеллигент, но человек умный, хитрый, опытный, искренний в своей государственности (правда, и вздорный, упрямый, необразованный...), к науке, точнее к ее практически реализованным результатам относился серьезно, может быть, несколько наивно-романтически, но за его попытками трансформировать Академию неразумно усматривать лишь обиды импульсивного самовластца на непослушных и неблагодарных академик. Интересно, кто был тем советником (или советниками), который подказывал идеи реорганизации Академии — секретари и аппаратчики ЦК КПСС, советские администраторы, военные, а может быть, и некоторые члены самой Академии — или же все по чуть-чуть? Хрущев в своих воспоминаниях называл тех, кого он особенно высоко ценил и кому доверял: Курчатов, Королев, Келдыш, Лаврентьев, Туполев... — это ученые, выдающиеся организаторы, но с ярко выраженным технократическим менталитетом и больше других членов академической корпорации связанные в своей деятельности на ВПК и отраслевые научные институты и центры.

P.S.

«Обязательно надо смелее предоставлять возможность творческой интеллигенции высказываться, действовать, творить. Творить!» — на этой фразе в начале сентября 1971 г. обрывались мемуары Хрущева. Последний недописанный раздел его воспоминаний, многозначительно называвшийся «Я не судья...», содержал нелегко давшийся автору вывод: наша интеллигенция — «наиболее страдающая категория советского населения», а административные меры — «самые вредные в отношении творческих людей» [8, с. 90, 94].

Литература

1. Александр Николаевич Несмеянов. Ученый и человек. М., 1988.
2. Александр Николаевич Несмеянов — организатор науки. М., 1996.
3. Центр хранения современной документации. (ЦХСД). Ф. 2. Оп. 1. Д. 747. Машинопись. Неправленная стенограмма.
4. Репрессированная наука. Л., 1991.
5. Он между нами жил... Воспоминания о Сахарове. М., 1996.
6. Сахаров А. Д. Воспоминания // Знамя. 1990. № 12.
7. Как снимали Н. С. Хрущева. Материалы Пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г. // Исторический архив. 1993. № 1.
8. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1995. № 5—6.